

Кемализм: возникновение и типология.

Йанлик Левент

Введение

В России можно найти три разных мнения о кемализме. Первое из них, в советской историографии, рассматривает кемалистскую революцию с классового зрения, справедливо обращая внимание на то, что кемалистская революция со своей светской просвещенной сущностью является буржуазной революцией.

Второе мнение определяет кемализм как официальную идеологию (по крайней мере, до недавнего времени правления АКР — Партия справедливости и развития президента Эрдогана).

Третье мнение, сформулированное западными учеными и турецким социологом Шерифом Мардином, считает кемализм восточным деспотизмом. Другая версия этого мнения, распространенная среди левых, находящихся под влиянием курдского национализма, рассматривает кемализм как фашистскую или протофашистскую идеологию¹.

В России кемализм справедливо очерчивается настолько, насколько слабо западные академические работы влияют на российскую историографию. Это отражает сильное влияние советской историографии, которая опиралась на изучение классовых отношений:

«Кемалистская революция — ...название антиимпериалистической, буржуазно-национальной революции в Турции... Руководящим классом... была анатолийская национальная буржуазия (преимущественно торговая), заинтересованная в сохранении территориальной целостности страны и создании независимого турецкого национального государства. Значительную роль ...сыграли патриотические круги мелкой буржуазии, интеллигенции, в особенности офицерство, из среды которого выдвинулся лидер революции Мустафа Кемаль-паша (Ататюрк)... В ходе Кемалистской революции и последующих преобразований (ликвидация султаната, 1922, провозглашение республики, 1923, ликвидация халифата в 1924 и др.) Турция превратилась в светскую буржуазную республику» [10]².

Однако, несмотря на сохранение советской историографии, и в России широко встречаются исследования, которые не находят никакой разницы между видами кемализма, между кемализмом и ататюркизмом и которые считают кемализм официальной идеологией, определяя его как военно-опекунский режим.

«Шесть стрел»: идеологический эклектизм и парадокс

В съезде 1927 г. Республиканской народной партии (СНР) были приняты четыре принципа: республиканизм, народность, национализм и лаицизм. На съезде 1931 г. к ним добавилось еще два — этатизм и революционность, и эти шесть принципов стали основными принципами кемализма. В 1937 г. они превратились в официальную идеологию государства, закрепленную в конституции Турецкой Республики.

Стоит обратить внимание на их противоречивые аспекты.

Официальный порядок этих стрел такой: республиканизм, национализм, народность, этатизм, лаицизм и революционность. Однако мы будем рассматривать их в соответствии с их внутренней логикой.

Этатизм отражает определяющую роль государства в экономике, но ее сущность - поощрение частного сектора. Кемализм отстаивал госкапитализм, который потом получит название «воспитание буржуазии в горшках».

¹ Последние две совпадают. См.: «Основная цель турецкого лаицизма — это насаждение официальной государственной идеологии кемализма в общество и освобождение его от религиозного сознания. [...] Официальная идеология кемализма является источником социального отчуждения, где личность — это слабое звено, а государство — сильное» [3, с. 65–66].

² В левом движении Турции, особенно в 60-х и 70-х гг., долго обсуждалось, кто руководил буржуазной революцией — «патриотические круги мелкой буржуазии», или национальная буржуазия Анатолии, основу которой формировала торговая буржуазия? Сталин стоял на второй позиции: «Кемалистская революция есть верхушечная революция национальной торговой буржуазии, возникшая в борьбе с чужеземными империалистами и направленная в своем дальнейшем развитии... против крестьян и рабочих, против самих возможностей аграрной революции» [8]. Этот подход преуменьшал роль мелкой буржуазии и важность просвещенного характера революции, преувеличивал роль торговой буржуазии, способствуя формированию маоистского взгляда на кемализм как на фашизм. Но он все-таки опирается на классовые отношения.

Принцип народности отрицает классы и классовую борьбу, но категория «народ», в отличие от «нации», открывает кемализм для левых. Поэтому принцип народности парадоксально сближает кемализм с социалистическим левым движением 1960-х гг., хотя он и имеет явные антикоммунистические цели.

Принцип национализма отрицает даже существование в Турции других наций и национальностей, кроме турецкой (т.е. он означает шовинизм), но в то же время эти три принципа подчеркивают независимость страны.

Четвертая «стрела», республиканизм, обозначает буржуазную республику, но в то же время в нем выражается разрыв с османским прошлым (ясно видный в отмене султаната и халифата), и этот радикальный ингредиент в идеологии кемализма сближает ее с левыми.

Пятая «стрела», принцип революционности, не только поддерживает эти радикальные тенденции, но и осваивает их. Именно он несет опасность для буржуазной республики.

И шестая «стрела», принцип «лаицизма» обозначает самую радикальную форму буржуазного просвещения; даже название («лаицизм», а не «секуляризм») показывает его четкое антифеодалное значение.

Главные ингредиенты кемалистской идеологии - независимость страны и лаицизм. Но, с другой стороны, кемализм как государствообразующая, государственно-фетишистская идеология противоречит якобинству, осваиваемому в «шести стрелах». Таким образом, с самого начала кемализм отличается чрезвычайным эклектизмом. Это особенно важно при его сопоставлении с перонизмом [42].

Эклектизм порождает парадоксальность в обсуждениях кемализма, которая отражается в самых влиятельных лицах кемализма во время его основания. Собственник и автор передовиц ежедневной газеты Cumhuriyet, близкий к властям Юнус Нади пишет в начале 1930-х гг.: «Дуче есть и высокая идея итальянской нации, и лицо, кто осуществляет эту идею. В личности Муссолини фашизм есть осуществляемая идея, которая выпущена как стрела непобедимой рукой» [30, с. 265]. Известный издатель того времени Али Наджи Караджан говорит: «Мы хотим не свободу, а руководство подобно фашизму... Народ хочет не свободу, а благосостояние. Благосостояния достигается трудом, и для труда нужны покой и порядок. Поэтому мы хотим руководство подобно фашизму» [23, с. 353]. Министр юстиции с 1924 по 1930 г. Махмут Эсат Бозкурт: «Наихудший турок лучше наилучшего не-турка. В прошлом неудача Османской империи заключается в том, что в основном ее судьбой владел не-турок» [26, с. 134]. Фалих Рыфкы Атай, один из самых крупных пропагандистов кемализма: «Партию революции надо строить... по образу коммунистических и фашистских партий тех стран, которые переходят от старого строя к новому... Для воспитания турецких масс надо осваивать методы массового воспитания Москвы, и для статистической турецкой экономики — методы корпоративизма фашизма» [18, с. 25].

Фон Папен пишет в секретной телеграмме в МИД в Берлин о переговорах с премьер-министром Сараджоглу, веденных в тот же день (27 августа 1942 г.): «В ходе беседы... я спросил о его точке зрения по русскому вопросу. Премьер-министр ответил, что он хочет дать мне на это ответ и как турок и как премьер-министр. Как турок он страстно желает уничтожения России. Уничтожение России является подвигом фюрера, равный которому может быть совершен раз в столетие; оно является также извечной мечтой турецкого народа. Русская проблема может быть решена Германией, только если будет убита по меньшей мере половина всех живущих в России русских... Что касается уничтожения значительной части русского человеческого потенциала, то союзники идут по самому верному пути» [7]³.

Три разных типа кемализма:

---

³ Папен поддерживал личные контакты с важными лицами в правительстве и армии Турции, среди которых премьер-министр Сараджоглу, начальник генштаба Февзи Чакмак (Документ 23), генерал в отставке Мюрсел Бакю (Документ 22, по которому можно предполагать, что Бакю был немецким шпионом, и Чакмак был в курсе), генерал в отставке «могучий паша» Хюсеин Эркилет, командующий военными академиями генерал Али Фуад Эрден (последние два даже вели переговоры с Гитлером в Берлине и посетили восточный фронт немцев в 1943 г.), Нури Киллигил, брат Энвера-паши, и т.д. В секретной телеграмме Папена 5 августа 1941 г. документируется поддержка гитлеровцев пантюркистского движения. В ответ на эту телеграмму Риббентроп приказал Папену, чтобы они щедро тратили 5 млн. золотых «монет» Третьего рейха (5 декабря 1942 г.). О них говорится и в письме Карла Мегерле, руководителя отдела по пропаганде МИД: «Для борьбы против пропаганды неприятеля требуется держать большую сумму под рукой, чтобы собирать сильных сторонников путем финансовой поддержки чиновникам, которые находятся сложных обстоятельствах из-за дороговизны, и лицам из прессы, и депутатам. Для этой цели Риббентроп подготовил 5 млн. в немецких золотых монетах» [35, с. 61]. Очевидно, эта сумма была использована для развития пантюркистского движения, и Сараджоглу был в курсе. Кадры этого движения стали основателями, организаторами и идеологами фашистского движения с середины 1960-х гг.

реформистский, революционный, протофашистский

Приведенные цитаты чаще всего используются для доказательства того, что кемализм есть своеобразная восточная деспотия или тоталитарный, даже фашистский режим. Однако Юнус Нади был полуофициальным представителем не столько власти, сколько Германии с середины 1930-х гг. до конца Второй мировой войны. А газеты и журналы Али Наджи Караджана не раз запрещали именно за пропаганду фашизма.

Надо подробнее исследовать три разных типа кемализма, которые представляли Фалих Рыфки Атай, Махмут Есат Бозкурт и Шюкрю Сараджоглу. Первые два были очень близки к Мустафе Кемалю и несомненно играли большую роль в формировании кемализма чем другие. Атай, познакомившийся с Мустафой Кемалем в 1913 г., когда ему было только 20 лет, был одним из тех, кто знал его настоящие политические убеждения и характер. Он находился на фронтах Суэцкого канала, Сирии, Палестины и Ливана в свите Джемалья-паши. Он был в оппозиции партии «Единение и прогресс». В эти годы он писал немало статей о турецком государстве в Анатолии, о вестернизации, о патриотизме. После Мудросского перемирия он начал писать в ежедневной газете Akşam (Вечер) в Стамбуле, вел борьбу против коллаборационистов в СМИ, откровенно поддерживал правительство Анкары против Стамбула. В то же время он отстаивал Мустафу Кемалю в спорах со сторонниками Энвера-паши (по сути – спорах между сторонниками Турана и анатолийского государства). Он сделал вклад в журнал «Kadro» («Кадровый состав»), 36 номеров которого вышли в 1932-1935 гг. [4, с. 91].

Основатель этого журнала, Шевкет Сюрейя Айдемир, один из выдающихся членов Компартии до 1927 г., говорит, что в эти годы фашизм рассматривался интеллигенцией кемалистского движения как движение модернизации, и, следовательно, как революция; согласно Айдемиру, «Фалих Фыркы, который сам был сыном революции и передовым боевиком центра революции, проанализировал два больших общественных движения, Москву и Рим, как технику революции и как метод революции» [22, с. 46]. Для Фалиха Рыфки кемалистская революция должна была взять положительные аспекты этих двух революционных движений. Два визита в Советский Союз в 1930 и 1932 гг. (в последний раз вместе с премьер министром Инёню) произвели на него сильное положительное впечатление.

Стоит напомнить, что в эти годы кемалистская власть начала индустриализировать страну во время первой и второй пятилетки благодаря советской поддержке, и рассматривала развитие культурной сферы СССР в качестве примера⁴. По-видимому, Атай рассматривал развитие в этих двух странах и как проект строительства нации. Атай был органическим интеллектуалом кемалистского режима. Он расценил размывание лаицистских устоев страны в 1940-х гг. как предательство, отметив «растворение» кемалистского кадрового состава и то, что надо «устроить новый строй с настоящими кемалистами, которые привержены кемалистским принципам и революции» [41, с. 269].

Бозкурт руководил Министерством юстиции шесть лет. Благодаря ему правопорядок был деисламизирован и стал светским. Курдские националисты, интеллектуалы и либералы часто обвиняют его в расизме, - и этим обвинениям можно найти немало доказательств в статьях Бозкурта, которые оправдывают их. Но это не означает поддержки фашизма. Его антифашистское сознание было сильнее, чем у многих кемалистов.

Бозкурт поступил в Фрибургский университет в Швейцарии в 1912 г., когда ему было всего 20 лет, и защитил диссертацию о капитуляциях Османской империи. Очевидно, в это время он уже воспринимал независимость и лаицизм как наивысшие принципы. Османский консул в Женеве пишет о нем в рапорте: «Он не покорный студент, а революционер» [15, с. 191]. После оккупации Измира греческими силами он вернулся на родину из Европы с некоторыми турецкими студентами, чтобы участвовать в войне за независимость. Он организовал партизанский отряд в Сельчуке и Кушадасы. Мы встречаемся с ним как с одним из основателей официальной Компартии, которая была создана по приказу Мустафы Кемалю⁵.

Он стал министром экономики в 1922 г. до 1923 г. в правительстве Анкары, был министром юстиции с 1924 по 1930 гг. и ушел в отставку в знак протеста против пробного создания многопартийной системы. Его можно охарактеризовать как просвещенного националиста, хотя он был прогрессивнее многих его

⁴ Путевые заметки Фалиха Рыфки имеют большое значение в вопросе формирования кемалистской идеологии, ибо они, кроме литературной ценности, открывали кемалистам опыты разных стран. Он собрал свои заметки в книгах «Новая Россия» (1931 г.) и «Москва-Рим» (1932 г.) [19, 31].

⁵ Этот короткий период (всего несколько месяцев) в Анкаре называется в некоторых источниках как «период красных колпаков». Даже выдающиеся кемалисты, в том числе сам Мустафа Кемаль и Исмет Инёню, присоединились к Компартии, которая была создана, только чтобы ликвидировать оппозиционную им Компартию, созданную в Баку, и движение «Зеленой армии» Черкеза Этхема. Официальная Компартия была распущена через три месяца.

современников. Например, в 1930-х гг., когда восхищение фашизмом достигло вершины, он писал: «История не остановится. Остановка значит смерть! Жизнь в прогрессе, впереди. Фашизм ищет жизнь позади. Умрет!»

Национализм, независимость, лаицизм; этатизм и ликвидация феодализма, вестернизация как неизбежная форма модернизации и просвещенность — он как бы олицетворенный кемализм. Его национализм остается в пределах шовинизма⁶, но он не пантюркистский, не экспансионистский. Он отмечал, что «турецкий национализм опирается прежде всего на идейный и культурный национализм, он лаицистский»: «В турецком национализме понятие государства можно выражать только лаицистской, народной республикой». Именно ему принадлежит самое левое толкование кемализма того времени (на конференции 23 февраля 1939 г. в Измире): «Те, кто ставит штамп ‘коммунист’ или ‘социалист’ на того, кто защищает дело рабочих и крестьян..., ищут свои личные выигрыши в проигрышах трудящихся масс» [16, с. 223]. Тогда принцип «народности» интерпретируется в первый раз в лево-популистской перспективе. Хотя эта народность корпоративистская и имеет целью поглощение классово-борьбы, здесь ей придается и задача защиты трудящихся против буржуазии и помещиков. Бозкурт определял принцип этатизма как «государственный социализм» и интерпретировал его по Лассалю. Он часто сравнивал принципы кемализма с коммунизмом потому, что считал коммунизм прогрессивным движением. Там, где он заявляет, что «фашизм умрет», он продолжает: «Коммунизм ищет жизнь впереди истории. Он падет. Остается вне жизни» [13, с. 34].

С противоположной интерпретацией кемализма встречаемся мы у Сараджоглу. Он учился в Академии политических наук в Женеве, в то же время, когда Бозкурт был в Швейцарии, они вместе вернулись на родину для участия в войне. Во время мирового кризиса 1929 г. он был министром финансов и играл большую роль в национализации некоторых предприятий и использовании протекционизма как экономической политики. С 1938 по 1942 гг. министр иностранных дел, с 1942 по 1946 премьер-министр. В это время его внешняя политика была совершенно профашистской. Согласно телеграмме Папена 4 октября 1939 г., премьер-министр Рефик Сайдам не избегал даже цензуры антигитлеровской прессы, чтобы понравиться фашистам: «По поводу манеры прессы премьер-министр заявил, что турецкий посол в Берлине, Хюсрев Гереле, уже передал ему предупреждение Гитлера, и новая комиссия, которую создадут, будет заниматься тем, чтобы новости сообщали объективно». В том же году в беседе с Папеном Сараджоглу заявил, не получив никаких требований, что газета «Тан» будет запрещена, потому что она антифашистская. Риббентроп пишет об этом событии в телеграмме, посланной в посольство Германии в Анкаре: «То, что турецкий министр иностранных дел... заявил нам, что враждебность прессы [к нам — Й. Л.] будет закончена, — это можно определить отчасти наивностью».

В это время Инёню пытался установить баланс профашистских сил в правительстве. Как следует из переписки между Папеном и Риббентропом, они были уверены, что Сараджоглу за них, но сомневались в Инёню. Так, Папен вел переговоры с Сараджоглу 13 мая 1941 г., и премьер министр заявил, что Турция «будет находиться рядом с Германией в случае германско-русской войны». На следующий день Папен вел переговоры с Инёню, и президент подтвердил слова своего премьер министра. Но Турция не воевала в союзнничестве с Германией [35, с. 55, 59, 60]⁷.

Национализм Сараджоглу связан с кровью, а не с культурой, как у Бозкурта. Он говорил: «Мы — турки, тюркисты и навеки остаемся тюркистами. Для нас, тюркизм есть настолько дело крови, насколько дело совести и культуры...» [44, с. 21–22].

Эти три типа кемализма сохранились до сих пор. Их объединяет шовинизм. Линия Сараджоглу в антикоммунистическом бреде и с фетишизацией государства дошла до расизма в отношении курдов и меньшинств, до протофашистских форм. Она отчуждена от буржуазно-демократических идей и, поселившись в армии и бюрократии, сделалась опорой фашистских переворотов. Гражданские представители этой линии присутствуют в монополистической буржуазии, обогатившись благодаря тесным связям сначала с фашистской Германией, и потом с США. Ее военные представители дошли до такого же положения через создание ОУАК [5]⁸. После военного переворота 12 марта 1971 г. невозможно

⁶ Так, в ходе третьего восстания в г. Агры, 7 сентября 1930 г. Бозкурт говорит: «Мое убеждение такое, что господином в этой стране должен быть турок. Те, кто не настоящий турок, имеет только одно право: право прислуги».

⁷ Вряд ли Сараджоглу исполнил бы свое обещание, даже если бы Инёню не мешал ему. Он никогда не скрывал свои профашистские убеждения, но был так же убежден в том, что Турция должна была быть вне войны. Он заявил в феврале того же года: «Мы не беспристрастны, а вне войны» [38, с. 397].

⁸ О роли Вехби Коча, крупнейшего представителя монополистической буржуазии Турции, в возникновении ОУАК, см. [1, с.62].

считать эту линию частью кемализма, так как, кроме классовой трансформации, представители этой линии ликвидировали левых и лево-кемалистов, размыли принцип «лаицизма» в своих классовых интересах. Они играли большую роль в формировании новой государственной идеологии после военного переворота 12 сентября 1980 г. под названием «турецко-исламский синтез» и представили этот «синтез» как ататюркизм. Надо различать кемализм и ататюркизм как фашистская идеология военного переворота 1980 г.⁹

Линия Фалиха Рыфкы распространена среди интеллигенции, является реформистской и склоняется к исправлению государства. Она и есть линия реформистской буржуазии. Традиционно ее представляла партия СНР. Но она постепенно теряла свое влияние в высшей бюрократии, и сейчас не имеет влияния даже среди низшей бюрократии, среди чиновников и учителей. И даже в руководстве СНР нет никаких признаков этой линии с 1999 г., когда ее возглавил Дениз Байкал. нынешнее руководство СНР не левое и не кемалистское, а правореформистское.

Третья линия, т.е. лево-кемализм, не имеет оргструктуры с ликвидации Догана Авджьюглу в 1971 г.

Рост, падение и новый рост лево-кемализма и курдский вопрос

Эволюция лево-кемализма от Бозкурта до Авджьюглу и роль тезиса «некапиталистического пути» КПСС в этой эволюции имеют большое значение [4]. Но Авджьюглу не только признал легитимность революции и вооруженного революционного движения того времени, но и в 1966 году описал курдский вопрос с его этническими, национальными сторонами: «Курдский вопрос есть такое дело, которое мы считаем, что оно и существует, и не существует. Официально нет такого вопроса: нет курдского вопроса потому, что нет курда... Однако, несмотря на официальный тезис..., курдский вопрос есть, и политике, продолжающейся долгие годы, не удалось решить эту проблему... Дело было в том, что одна этническая группа, которую заставили забыть свой язык и свою культуру, полностью ассимилировалась с господствующей этнической группой... Табу по поводу этого такое сильное, что оно всасывает даже мысли».

Дальше Авджьюглу заявил, что и социалисты ограничивают себя, повторяя только заезженные предложения по ликвидации феодализма; тем не менее, эта манера продолжается с основания республики. Так, с основания республики (1923) до восстания Шейха Саида (1925), т.е. «даже в то время, когда они наслаждались свободой мысли, в самых экстремистских левых печатных органах мы не встречаемся с конкретными мыслями, а только с общими идеями». Согласно Авджьюглу, одни из предпосылок решения этого вопроса — ликвидация феодализма и земельная реформа, не завершенная уже 50 лет, но «разные опыты в мире показывают, что, если этнический аспект его не принимается в расчет, то не устраивается решение».

Далее он противопоставил свой строгий турецкий национализм курдскому сепаратизму и выдвинул мнение, что, по конституции, турецкая нация - не этническое определение, в нее входят все, кто живет в пределах национальных границ. «Согласно понятия 'нация' в социализме, религия, язык, этнические свойства не являются основательными звеньями какой-либо нации. Эти звенья надо не уничтожать, а наоборот, поддерживать, так как они вносят свои оттенки в жизнь нации, богатство в культуру» [20, с. 312–315]. Эта аргументация обозначала противоречие государственной политике с 1930-х гг., которая отрицала курдов как нацию и ассимилировала их. Авджьюглу написал в начале 1970-х гг., когда курдский сепаратизм рос: «Создание курдского государства есть просто мечта и она против интересов народов. Такая мечта вызывает только опасные международные столкновения и лишние страдания... Даже Советский Союз против тезиса 'курдского государства'... Они [курдские патриоты — Й. Л.] должны стараться созидать революционную власть вместе с турецкими революционерами, вместо того, чтобы идти за опасными мечтами» [21, с. 317–318].

Долгие годы левая интерпретация кемализма была представлена Ильханом Сельчуком в ежедневной газете Cumhuriyet (Республика). Сельчук выражал идеи лево-кемализма, оргструктура которого давно была уничтожена. Но эти слабые идеи вошли в кризис из-за очередных побед АКР в 2000-х гг., и Сельчук стремился создавать организационный союз с генералами в отставке, которые были

⁹ К сожалению, эту задачу часто пропускают. Так, Васильев написал: «Были введены новые учебные программы, которые должны были воспитывать молодежь в духе кемализма». Там же он определил кемализм как «идеологию турецкого национализма» [1, 2013, с. 53, 65]. Между тем кемализм - лишь одна из идеологий, опирающихся на национализм. Все три наибольшие политические партии Турции (включая неосоманскую АКР и фашистскую МНР), представляющие почти 85% населения, защищают турецкий национализм. Нельзя поставить все его формы в одни рамки.

ответственными за военные операции армии против курдского населения, с фашистским движением МНР и шовинистами Догу Перинчека, который начал свое политическое приключение как маоист. Эта попытка провалилась, несмотря на аппетит этих участников, так как лево-кемализм не имеет общих черт с фашистскими или протофашистскими движениями ни идеологически, ни историко-политически (с 1960-х гг. немало лево-кемалистских активистов и интеллектуалов были убиты в фашистских атаках, организованных ими)¹⁰.

Лево-кемализм, хотя он не организован и, следовательно, большей частью бесформен, своим выступлением за независимость и просвещение страны влиял и влияет на образованные турецкие народные массы. Но так называемые «реформы ЕС» в начале 2000-х гг., усиление АКР и политического ислама, унижение кемализма либеральными кругами, которые находились в тесной связи с АКР ослабили это влияние. С 2013 г. влияние лево-кемализма снова растет, но он вовсе не воинственен из-за своей неорганизованности и фетишизации государства в турецком обществе.

Революционные социалистические левые и кемализм

Мы находим существенные различия во взгляде левых на кемализм. Махир Чаян, основателя ДНKP-С в 1970 г., заявил: «Кемализм есть мелкобуржуазный национализм, который возник в стране, находящейся под игом империализма, поднимал освободительный флаг восточных народов и открыл эпоху национально-освободительных войн, победив империализм. Главные черты кемализма, которым является самая радикальная линия мелкой буржуазии в Турции, есть только ‘национальное освобождение’ и ‘лаицизм’. По своей природе кемализм не имел никакой экономической политики... Кемализм держался до сих пор только благодаря своему национально-освободительному свойству. Если мы отнимем антиимпериалистическое свойство кемализма, там не будет никакого кемализма» [27, с. 154]. Таким образом, Чаян оценил кемализм настолько левой идеологией, насколько он антиимпериалистический. В своей последней статье перед гибелью в вооруженном столкновении с армией он выдвинул переработанное определение: «Кемализм есть антиимпериалистическая позиция самой радикальной части мелкой буржуазии на основании национализма. Поэтому кемализм есть левый, он национально-освободительный. Кемализмом является радикальная политическая позиция революционных националистов» [28, с. 408].

Второе восприятие кемализма выразил И. Кайпаккой, основатель маоистского партизанского движения ТКР/ML. Он написал незадолго до смерти под пытками в 1973 г., почти воспроизводя мнение Мао о Гоминьдане Чана Кайши во время гражданской войны: «Кемализмом является идеология турецкой компрадорской крупной буржуазии и правого крыла средней буржуазии... Кемализм означает фашизм. Кемалистская диктатура есть военно-фашистская диктатура» [34, с. 596].

Эти два определения все еще продолжают влиять на левых Турции. Первое отстаивают ДНKP-С и (не ссылаясь на Чаяна) компартии; второе — ТКР/ML и ее дочерние маоистские организации, а также ходжаисты (MLKP и TDKP). Кроме того, все курдские националисты отстаивают второе мнение.

С середины 1980-х гг. до недавнего времени левые Турции чувствовали себя стоящими перед выбором между кемализмом и курдским националистическим движением, и в конце концов выбрали курдских националистов. Ортодоксальный представитель идеологии Махира Чаяна организация «Революционные левые» (Devrimci Sol, сегодня носит название ДНKP-С — Революционная народно-освободительная партия-фронт) заявила на своей защите перед судом (почти 900-страничная защита была подготовлена как политическая программа): «Сегодня левое крыло турецких мелкобуржуазных националистов не имеет политическую структуру. То есть, вопрос по поводу союзников в ходе революции будет решен в пользу курдских мелкобуржуазных националистов... Если понадобится сделать выбор, тогда пролетарское движение выберет курдских мелкобуржуазных националистов» [33, с. 340].

Левые Турции находятся в идеологическом кризисе из-за того, что курдское националистическое движение вошло в орбиту интересов США на Ближнем Востоке. Часть левых (в основном леволиберальные, реформисты, ходжаисты и некоторые маоистские группировки) продолжают свою безусловную поддержку РКК (Рабочая партия Курдистана); остальные (компартии, ДНKP-С, некоторые

---

¹⁰ Эта попытка называлась «коалиция красного яблока». Красное яблоко — символ пантюркизма, связывается с партией «Единение и Прогресс» в последние годы ее существования. Кемализм, и особенно лево-кемализм всегда держался подальше и от «Единения и Прогресса» и от пантюркизма. В этом сыграли роль германизм «Единения и Прогресса» и то, что именно они привели Османскую империю к провалу. С другой стороны, пантюркизм «Единения и Прогресса» и особенно личность Энвера-паши снижали уважение в глазах фашистского и отчасти исламистского движений. Таким образом, и название «коалиции», и восхищение Энвером в статьях Селчука обозначают отклонение в лево-кемализме. См.: [40, с. 143].

местные и маленькие группировки) пытаются вступить в союз с лево-кемалистами на основе антиимпериализма.

Академия в тени Пентагона и ЕС

Большинство западных ученых неправильно анализирует государственный механизм Турции. Так, согласно Акчаю как стороннику традиционной либеральной теории веберовского толка (хотя он ее противник во многих аспектах)¹¹, Эрдоган консолидировал свою власть в государстве в результате борьбы с кемалистскими силами, которые базировались в государственных учреждениях; повышению и установлению необъявленной однопартийной системы АКР содействовала идеологическая и организационная слабость этих сил перед политическим исламом. Тем не менее в первые годы своей власти Эрдоган «создал крепкие отношения с MÜSİAD [Ассоциация независимых промышленников и бизнесменов — Й.Л.] исламского толка», и позже — TÜSİAD [Ассоциация промышленников и бизнесменов Турции — Й.Л.], организация традиционных монополистов, «которые ранее были связаны с кемалистскими силами» [12, с. 5].

Представители марксистской школы Сарачоглу и Демиркол справедливо отмечают значение национализма как средства гегемонии, и его роль в консолидации идеологической гегемонии АКР. Но, когда они рассматривают развитие этого национализма, они считают кемализм официальной идеологией: «Кемалистский национализм, который в значительной степени доминировал над официальной идеологией турецкого государства, пока АКР не консолидировала свою власть как правительственная партия» [39, с. 305]. Этот ошибочный подход видит кемализм не как идеологию, которая символизирует мечты образованных масс о лаицизме и независимости страны, но выбирает стереотипное определение кругов ЕС и либералов.

Политическая и даже академическая литература на европейских языках приравнивает кемализм к ататюркизму. В политической литературе на турецком языке, «ulusalcılık» и «milliyetçilik» имеют разные интонации, хотя переводятся как «национализм». Между тем кемализм и ататюркизм - разные политические направления [43, с. 126–138]. Однако в западном политическом дискурсе все это собирается под заголовком «национализм». Такое использование терминологии отражает поведение Пентагона и ЕС со времени создания первого правительства АКР (2002). До попытки военного переворота 2016 г. представители евразийства, кемалисты, ататюркисты, даже некоторые левые и сторонники Партии национального движения МНР фашистского толка для них были одинаковы и равно считались националистами¹².

Это заблуждение основывается на теории Шерифа Мардина, который скрывал действительность воображаемыми сомнительными идеологическими явлениями. Но такая терминология принимается не только западными политиками, учеными и либеральной интеллигенцией Турции, приверженной первым. Курдские националисты тоже принадлежат к ним. Для курдских националистов кемализм - не только враг курдского народа в Турции; он представляет собой турецкий национализм, который создал государство, что курдскому народу не удалось, т.е. он предмет черной зависти.

Можно предложить, что взгляд либеральной интеллигенции совпадает со своеобразным панисламистским мнением бывшего премьер-министра Давутоглу. Для исламистов вообще и для него, в частности, история Турции есть деменция, несоответствие между существующим профилем общества и его культурной цивилизационной сущностью. Для либералов это своеобразный, затянувшийся восточный деспотизм. Для курдских националистов — просто фашизм.

Тезисы о кемализме

ЕС курдский национализм и либерализм принимают эти шаблоны как единственную реальность. Так, статья Хамита Бозарслана, который, в основном, озвучивает тезисы курдского национализма, начинается этими словами: «официальная доктрина», «основа конституции и политической культуры страны» [25, с. 28]. Когда в статье говорится о Ниязи Беркесе, который был одним из самых влиятельных ученых лево-кемализма, автор заявляет, что Беркес считал кемализм «секуляризацией и вестернизацией» мусульманского мира, однако совсем не отмечает слова Беркеса об антиимпериалистическом аспекте кемализма. В заключении автор пишет, что «кемализм был вестернизирующей силой и идеологией», но

¹¹ Так называемая «теория центра-периферии» (теория Шерифа Мардина); для оценки критериев этого тезиса см.[29].

¹² Нельзя недооценивать роли писателей Орхана Памука и Элиф Шафак в распространении этого мнения.

как и каким образом? Нет ответа. Это есть просто постулат, если не говорить об антиимпериалистическом аспекте кемализма.

Необходимо исследовать эту статью 2006 года, поскольку она показывает одинаковость восприятия кемализма либеральными и курдскими националистическими кругами. Бозарслан следует траектории либеральной интеллигенции в Турции именно тогда, когда эта интеллигенция была в союзничестве с АКР. В общественном базисе Войны за независимость Турции он перечисляет курдскую и турецкую знать (eşraf), улемы (ulema), вооруженные шайки, которые прежде участвовали в массовых убийствах армянского народа или были сформированы по религиозным мотивам, но не говорит о классовом свойстве военной и гражданской интеллигенции, которая являлась руководящей силой войны. Он заявляет: «Новое государство, которое было основано в 1922 году под руководством Мустафы Кемала и которое рассматривало себя как историческую преемственность Османской империи, явно представляло себя победой и мстью 'турецкости' (и, следовательно, ислама) над христианскими районами Анатолии».

Если мы закрываем глаза на то, что это государство было создано не в 1922 г., а в 1923 г., надо подчеркнуть нижеследующие пункты:

1. В состав кемалистов входили просвещенные, выступавшие за независимость страны кадры, которые являлись самыми радикальными представителями мелкой буржуазии. Вначале большинством из них были активисты «Единения и Прогресса», но те, кто не воспринял кемалистское руководство, постепенно отделялись и в итоге были ликвидированы.
2. В направлении всех событий после войны проявляется это классовое содержание.
3. Кемалисты никогда не считали новое государство продолжением или возрождением Османской империи; наоборот, они всегда полагали Османскую династию узурпатором воли нации. Восприятие Турецкой республики как продолжение империи - идеологический постулат правления Демократической партии после 1950-х гг. Главную роль в превращении этого утверждения в государственную идеологию сыграл 500-летний юбилей завоевания Константинополя.
4. Когда в руках националистов осталась только Анатолия, проект национального государства получил форму государства мусульманского населения. Возможно, это не было предпочтением кемалистов, а возникло в результате политических событий в Греции. Более того, кемалисты как военные и бюрократы хорошо знали опыт развалившейся империи и, в частности, знали, что немусульманские меньшинства носили характеристики компрадоров империализма со времени Балта-Лиманской конвенции Османской империи и Великобритании 1838 г. Таким образом, они считали, что главной задачей завоевания экономической независимости является ликвидация компрадорской буржуазии.
5. Мустафа Кемаль был прагматичным лидером и для него союз с исламистами был необходимостью, но он использовал его для укрепления своего абсолютного авторитета. В это время у него можно найти немало высказываний в духе исламизма и даже панисламизма, но можно найти и немало прокоммунистических. Однако он никогда не был ни исламистом, ни панисламистом, ни коммунистом. Кемализм воспринимался Кемалем и его товарищами как форма просвещения, т.е. они не могли бы быть исламистами. Те, кто утверждает, что кемализм имеет исламистские ингредиенты, обычно цитируют вторую статью конституции 1924 г., где говорится, что «Религия Турции — это ислам». Но это есть только концессия, которую кемалисты должны были принять. Они отменили эту статью в 1928 г.
6. Можно предполагать, что в первые годы республики были разногласия между ее основателями о форме национализма: культурный (национализм Турции) или этнический (турецкий национализм)? Англичанин Пултон отмечал: «Исмет Инёню и Февзи Чакмак, по-видимому, были более фанатично настроены протурецки, чем сам Кемаль» [37, с. 98, 116]. До начала 1930-х гг. это напряжение разрешилось в пользу культурного национализма, как требовали кемалисты и выходцы из Балканских стран развалившейся империи, но потом этнический национализм победил, и этот вопрос был решен в пользу выходцев с территории Анатолии, некоторые из которых даже участвовали там в этнических столкновениях, в том числе и массовых убийствах армянского народа. Решающую роль здесь сыграло влияние фашизма в Европе, который еще рассматривался как проект модернизации¹³.

---

¹³ Не только активисты «Единения и Прогресса», но и империалистические государства, которые договорились между собой о дележе Османской империи, и особенно британские политики спровоцировали враждебность между народами. Например,

7. Заявление о том, что кемализм есть «месть турецкости», и республика есть «продолжение Османского государства» добавляет пантюркистские оттенки к нему. Согласно некоторым турецким и западным исследователям, кемализмом является своеобразный пантюркизм, который имеет интонации панисламизма, потому что он есть продолжение «Единения и Прогресса». Но в действительности, хотя пантюркистские оттенки в «Единении и Прогрессе» можно найти после Второй балканской войны (1913), трудно сказать, что эта тенденция когда-нибудь доминировала, кроме приключений Энвера на Кавказе после Первой мировой войны. С другой стороны, пантюркизм никогда не был ингредиентом кемализма. Вот что пишет русский исследователь, изучающий «турецкие очаги» в 1930-х гг.: «После установления власти кемалистов турецкие очаги превратились в ассоциации националистов, а не пантюркистов» [2, с. 210]. Известный тюрколог Шлыков также подчеркивает: «...провозглашенный М.К. Ататюрком лозунг 'Мир в своей стране — мир во всем мире' предполагал отказ от любых реваншистских проектов и естественное удаление от тюрков советской Средней Азии и Кавказа» [11, с. 59]. Причины этого отдаления надо искать в понимании независимости страны больше, чем в стремлении к хорошим отношениям с СССР. «Единение и Прогресс» видела идею модернизации и цивилизации только в союзе с каким-либо западным государством, а кемализм - только в независимости.
8. Согласно Мустафе Кемалю, турецкий народ был нацией, потому что он имел признаки нации: «а) политическая общность, б) общность языка, в) общность территории, г) общие происхождения и корни, д) общая история, е) общая мораль» [37, с. 100]. На деле ничего не было, кроме политической и территориальной общностей. Что касается общности языка, местные диалекты были настолько разными, что сложно было понимать друг друга, как было у всех современных наций [9]. Более того, подавляющее большинство курдов не знали турецкий язык. История была романтической, верилось, что ислам и исламские династии прервали национальную историю; следовательно, и историю нужно была создавать. Общая мораль обычно интерпретируется как общая религия, но речь Ататюрка 1936 г. в парламенте [36] свидетельствует, что он был атеистом или агностиком; то есть имелась в виду новая национальная мораль. Всего этого можно было достигнуть только национальным энтузиазмом, и им обладали кемалисты, которые готовы были пойти даже против воли народа. То есть кемализм был не только идеологией буржуазной революции и республики, он был и проектом нации. Обвинять такой проект, который по своей природе не мог быть демократичным, в антидемократичности не научно.
9. Нужно отличать два периода кемализма по его отношению к курдскому вопросу в 1920-х и 1930-х гг. Первый начинается с восстания Шейха Саида в 1924 г. до начала 1930-х гг. Как Шлыков справедливо отмечает, «немалую роль в этом [в усмирении курдов — Й. Л.] сыграло то, что в середине 1920-х годов они активно участвовали в движении против реформ Мустафы Кемалю» [6]. Это восстание, которое провозглашало гораздо более разработанную исламистскую программу (за введение шариата, например), чем националистическую, подавить было очень сложно; оно способствовало усилению шовинизма в политике кемалистских властей в последующие годы. Но государственная политика не только ассимиляции, но и отрицания курдов как нации возникла в 1930-е гг., при усилении влияния фашизма в Европе. Иными словами, трудно сказать, что сыграло большую роль годы укрепления кемалистской власти: цель создания государства-нации, которое опирается на отрицание остальных наций в пределах государственных границ, или попытка убрать феодальные препятствия перед буржуазным обществом.
10. Сегодня кемализм не имеет никаких общих характеристик с политической структурой страны. Во-первых, кемализм — идеология «неприсоединения» раннего периода, которая основана на секуляризме, и выступление за независимость. Эту идеологию можно сравнить с «эпохой Бандунга» 1950-х гг. [14, с. 180–182], но мы предпочтем напомнить о перонизме. В Турецкой Республике, которая была создана после войны за независимость, благодаря уничтожению политических институтов Османской империи были проведены радикальные реформы. Как в Аргентине, в Турции считали фашистские движения Европы проектами

модернизации и восхищались ими. Но перонизм был лево-популистским движением, а кемализм - движением элит, несмотря на принцип народности. Как мелкобуржуазный радикализм, стремящийся к реализации нового национального государства в 1920-30-х гг., кемализм не избежал шовинизма и стал причиной массовых убийств курдского населения, но его основой оставался секуляризм (просвещение) и курс на независимость страны, по крайней мере, до конца 1940-х гг.

Марксистские мыслители тоже обращают внимание на просветительский аспект кемализма. Так, известный марксистский экономист Боратав пишет: «Мы можем говорить о двух противоречивых течениях того времени [1930-х и 1940-х гг. — Й. Л.]. Первое — авангардное, преобразовательное крыло кемализма. Оно в первую очередь просветительское и потому демократичное... Оно пытается соединиться с научными, мыслительными и художественными течениями европейского просвещения... В последующие десять лет представители этого крыла кемализма не конфликтовали с прогрессивными людьми в СМИ, в литературных кругах, в сфере образования, университетах... Второе течение, которое влияло на развитие Турции (и которое было определяющим с 1946 г.) — это консерватизм. Консерватизм... является рефлексом самозащиты, стремящимся затормозить кемалистскую революцию... Поэтому он не имеет положительной программы. Он берет на себя ответственность “диагностировать опасности”; и его приоритет — антикоммунизм» [24, с. 39–40].

Ни господствующая элита, ни важнейший составляющий слой господствующих классов, т.е. монополистическая буржуазия, представители которой собираются в TÜSİAD (основан 1 августа 1971 г.), не принимали и не принимают кемализм как официальную идеологию государства. Государство «в поле зрения» осталось ататюркистским, но не имеет никаких связей с кемализмом. Ататюркизм, который был провозглашен после военного переворота фашистского толка 12 сентября 1980 г., - официальная идеология, в которой находятся фашистские ингредиенты и которая смешалась и примирилась с исламизмом. А сам кемализм был полностью ликвидирован в армии и бюрократии.

Игнорирование этого - историческая ошибка, которая вызывает ряд других ошибок. Так, во многих работах о кемализме и сегодняшней политической структуре государства рассматривается сопротивление АКР в армии и бюрократии как «сопротивление кемализма» [1, с. 68–69]. Однако это заблуждение.

До «президентства республики» Эрдогана 2014 г. в среде армейской и гражданской бюрократии существовало сопротивление АКР. Одна из его причин - стремление госорганов сохранить свою структуру, сформированную после военного переворота фашистского толка 12 сентября 1980 г. Это сопротивление преодолела АКР с помощью США и особенно ЕС. Однако оно не было лишь идеологическим сопротивлением; его важнейший источник, армия, имел (и имеет) классовую структуру [5]. Подобная, но гораздо более слабая, реакция наблюдалась и в рядах TÜSİAD после выборов 2002 г. (когда АКР получила 34.3% голосов) и до выборов 2007 г. (когда АКР победила второй раз и получила 46.6% голосов).

Таким образом, цель завоевания армии и включения ее в свой классовый союз и, с другой стороны, приручение TÜSİAD путем решительной неолиберальной политики всегда имела большое значение для АКР. Поэтому в первый срок нахождения у власти она вела осторожную «позиционную войну»; преданно выполняла неолиберальную программу прежнего правительства, подготовленную Кемалем Дервишем, бывшим заместителем директора Всемирного банка; избегала вызывать общественный конфликт, выражая свою враждебность к секуляризму и свою мечту о новом исламском обществе. Об этом проекте исламского общества АКР начала все настойчивее говорить после 2013 г., когда она расторгла свой союз с либералами. Следовательно, можно предположить, что одним из событий, спровоцировавших попытку военного переворота 2016 г., является это новое союзничество с армией как с капиталистической группировкой¹⁴.

Заключение

Понятия кемализм и ататюркизм переводятся на западные языки одинаково. Обычно даже представители евразийства складывают «ulusalcılık» и «milliyetçilik» в один «националистический» мешок. Однако между этими понятиями большая разница, которая отражается в политической борьбе.

---

¹⁴ «Странно, что никто пока не исследовал корреляцию между этими потрясениями в фонде ОУАК и попыткой военного переворота 15 июля 2016 года. Попытки поставить под контроль правительства такую большую монополию, как ОУАК, безусловно, вызывают беспокойство в среде генералов, и они будут делать все возможное, чтобы остановить этот процесс» [5, с. 148].)

Ататюрк - харизматичный лидер самого радикального крыла мелкой буржуазии своего времени. Его воля стала движущей силой буржуазной революции Турции. Его политические убеждения и религиозная вера четко отличались от убеждений и веры общества; его успех показывает значение воли во время революции как решающего фактора. Он был прагматичным, а не бесформенным. Он был революционером буржуазии и отстаивал капитализм, но для него независимость страны была наивысшей ценностью. Он был таким непреклонным якобинцем, что в поворотном моменте революции, накануне отмены султаната, пригрозил своим самым близким коллегам такими словами: «Суверенитет и султанат не даются никому только потому, что наука так требует; не даются никому через переговоры, обсуждения. Суверенитет и султанат берутся путем силы, принуждения, насилия. Османская династия приобрела суверенитет и султанат турецкой нации путем насилия, и продолжала эту назойливость в течение шести веков. Сейчас турецкая нация, выправляя этих назойливых, восставая, де-факто приобретает суверенитет и султанат в свои руки. Это — свершившийся факт. Дело не в том, будем ли сдавать суверенитет и султанат нации. Дело в том, чтобы выразить свершившийся факт. Это будет во всяком случае. По моему мнению, если собирающиеся здесь люди, парламент и все остальные будут считать, что это естественно, тогда получится. В противном случае, факт так или иначе будет выражен. Но, возможно, некоторые головы будут отрезаны» [17, с. 690–691].

Антикоммунистические тенденции в нем не имеют отношения к германизму или к враждебности к русскому народу, они родственны почти навязчивой идее независимости и тому, что он был революционером буржуазии. Он, как якобинец, верил, что султанат и самодержавие вообще есть узурпация национальной воли, они ни в каком случае не были легитимными и, следовательно, республика не имеет никаких отношений с узурпаторами султанами. Кемалистский национализм превращается в шовинизм, встречая курдский национализм, который противостоит его проекту нации. Можно предполагать, что во внешней политике Мустафа Кемаль пытался создать движение неприсоединения задолго до Бандунгской конференции.

В фашизме он видел и угрозу, и проект модернизации. В экстрадиции немусульман сыграли главную роль события в балканских странах и компрадорский характер с 1838 г. капитала меньшинств. Он был архитектором проекта новой нации там, где шесть веков религию использовали как идеологический клей общества: доминантная идеологическая роль ислама была естественным следствием феодализма. Этот проект, развивающийся одновременно с процессом становления курдской нации, создавал национальное напряжение и враждебность.

С другой стороны, кемалистская революция породила правый (фетишизация государства) и левый (революционный) кемализм. Но их главными началами являются независимость страны и лаицизм, в этом смысле кемализм находится не во власти, а в оппозиции с 1947 г. Между кемализмом и ататюркизмом есть существенная разница. Кемализм признает лаицизм и независимость страны самыми большими ценностями, т.е. он по своей природе левый. Но ататюркизм как официальная идеология военно-фашистской диктатуры 12 сентября 1980 г., является государственной идеологией, которая консолидирует государственный фетишизм с исламом. Понимать область влияния лево-кемализма и его парадоксальность важно, особенно сейчас, когда он продолжает влиять на немалую часть нового рабочего класса в его противостоянии исламизации, хотя сам и остается неорганизованной силой.

Литература

1. Васильев А.Д. (2013) Армия в Турции // История и современность. № 2. С. 52–74.
2. Васильевна С.А. (2012) Влияние пантюркизма на идеологический процесс в Турецкой Республике // Теория и практика общественного развития. № 3. С. 208–212.
3. Закиров А.А. (2016) Трансформация политического ислама в современной Турции: исторический дискурс // Грамота. Т. 63. № 1. С. 63–66.
4. Йанлик Л. (2018а) Левые партии и движения Турции 1960-1970-х годов и их отношение к вооруженным формам борьбы // Новая и новейшая история. № 6. С. 89–106.
5. Йанлик Л. (2018b) «Картель Эрдогана» и финансово-промышленные союзы Турции // Современная наука и инновации. Т. 21. № 1. С. 145–152.
6. Мозжухин А. (2016) Анкара смеется последней (Интервью с доц. П. Шлыковым) // Лента.ру. 14 апрель 2016. [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2016/04/14/ankara/> (дата обращения: 28.12.2018).
7. Папен Ф. фон. (1946) Папен—Министерству иностранных дел // Документы Министерства иностранных дел Германии. Германская политика в Турции (1941-1943 гг.). Москва: Вып. 2.
8. Сталин И.В. (1948) Беседа со студентами Университета имени Сун Ят-Сена (13 мая 1927 г.) // Сочинения т. 9. Москва: Институт Марса-Энгельса-Ленина при ЦК ВКП(б). С. 239–268.

9. Хобсбаум Э. (1998) Нации и национализм после 1780 года. Санкт-Петербург: АЛТЕЙА.
10. Шамсутдинов А.М. (1969) Кемалистская революция // Большая советская энциклопедия. 1969. Т. 12.
11. Шлыков П.В. (2017) Евразийство и евразийская интеграция в политической идеологии и практике Турции // Сравнительная политика. Т. 8. № 1. С. 58–76.
12. Akçay Ü. (2018) Neoliberal Populism in Turkey and Its Crisis. Berlin: Hochschule für Wirtschaft und Recht Berlin.
13. Aksoy M. (1990) Atatürk ve Sosyal Demokrasi. Ankara: Gündoğan Yayınları. 104 с.
14. Amin S. (2017) Kapitalizmden Uygurlığa. İstanbul: Yordam Kitap. 272 с.
15. Arı K. (1994) Mahmut Esat Bozkurt: Yaşamı ve Kişiliği // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. Т. 2. № 4. С. 188–200.
16. Arıkan Z. (1998) Mahmut Esat Bozkurt // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. Т. 3. № 8. С. 215–224.
17. Atatürk M.K. (1969) Nutuk Т. II. İstanbul: Türk Devrim Tarihi Enstitüsü. 465 с.
18. Atay F.R. (1931) Yeni Rusya. Ankara: Hâkimiyeti Milliye Matbaası. 177 с.
19. Atay F.R. (1932) Moskova-Roma. İstanbul: Muallim Ahmet Halit Kütüphanesi. 109 с.
20. Avcıoğlu D. (2017a) Kürt Meselesi (Yön, № 194, 16.12.2018) // Rejim ve Devrim. Seçme Başyazılar / под ред. D. Yurdakul. İstanbul: Tekin Yayınevi. С. 343.
21. Avcıoğlu D. (2017b) Kürt Devleti mi? (Devrim, № 27, 21.04.1970) // Rejim ve Devrim. Seçme Başyazılar / под ред. D. Yurdakul. İstanbul: Tekin Yayınevi. С. 343.
22. Aydemir Ş.S. (1932) Falih Rıfki ve Son Eseri // Kadro. № 9. С. 43–47.
23. Bora T. (2009) Türkiye’de Faşist İdeoloji: «Hürriyet Değil Faşizm Gibi Bir İdare İstiyoruz» // Modern Türkiye’de Siyasi Düşünce / под ред. Т. Bora, М. Gültenkingil. İstanbul: İletişim. С. 1350.
24. Boratav K. (2015) Dünyadan Türkiye’ye, İktisattan Siyaseti. İstanbul: Yordam Kitap. 368 с.
25. Bozarslan H. (2006) Kemalism, Westernization and Anti-Liberalism // Turkey Beyond Nationalism: Towards Post-Nationalist Identities / под ред. H.-L. Kieser. London: I.B. Tauris & Co. Ltd. С. 28–34.
26. Bozkurt M.E. (2014) Atatürk İhtilali I-II. İstanbul: Kaynak Yayınları. 850 с.
27. Çayan M. (2008a) Sağ Sapma, Devrimci Pratik ve Teori (Aydınlık Sosyalist Dergi, № 15, January 1970) // Bütün Yazılar. İstanbul: Boran Yayınevi. С. 462.
28. Çayan M. (2008b) Kesintisiz Devrim II-III (1972) // Bütün Yazılar. İstanbul: Boran Yayınevi. С. 462.
29. Dinler D. (2003) Türkiye’de Güçlü Devlet Geleneği Tezinin Eleştirisi // Praksis. № 9. С. 17–54.
30. Ertunç A.C. (2010) Cumhuriyetin Tarihi: Yaşadıklarımızın Dünü-Bugünü. İstanbul: Pınar Yayınları. 536 с.
31. Girgin S. (2012) Falih Rıfki Atay’ın Gezi Yazılarında Avrupa. дис. ... магистратуры по дисциплине «Турецкий язык и литература». Восточно-Средиземноморский университет: Famagusta, Northern Cyprus.
32. Greenhouse E. (2013) The Armenian Past of Taksim Square [Электронный ресурс]. URL: <https://www.newyorker.com/culture/culture-desk/the-armenian-past-of-taksim-square> (дата обращения: 29.10.2018).
33. Karataş D. (1989) Haklıyız Kazanacağız (Devrimci Sol Savunma) Т. 2. İstanbul: Haziran Yayınları. 605 с.
34. Kaupakkaya İ. (2015) Şafak Revizyonizminin Kemalist Hareket, Kemalist İktidar Dönemi, İkinci Dünya Savaşı Yılları, Savaş Sonrası ve 27 Mayıs Hakkındaki Tezleri (January-August 1972) // Türkiye Sosyalist Solu Kitabı / под ред. E.A. Türkmen. Ankara: Dipnot Yayınları. С. 602.
35. Kılıç S. (2016) Nazi Hükümetinin Türk Basını Hakkındaki Değerlendirmeleri (1935-1944) // Galatasaray Üniversitesi İletişim Dergisi. № 16. С. 49–64.
36. MSGSÜ-STM. (2016) Gökten İndiği Sanılan Kitaplar [Электронный ресурс]. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=9hbTLteAoMs> (дата обращения: 01.11.2018).
37. Poulton H. (1997) Top Hat, Grey Wolf and Crescent. New York: Ney York University Press. 339 с.
38. Saraç B. (2015) Şükrü Saracoğlu (1887-1953) // Tarih İncelemeleri Dergisi. Т. 9. № 1. С. 391–405.
39. Saracoğlu C., Demirkol Ö. (2015) Nationalism and Foreign Policy Discourse in Turkey Under the AKP Rule: Geography, History and National Identity // British Journal of Middle Eastern Studies. Т. 42. № 3. С. 301–319.
40. Savran S. (2010) Türkiye’de Sınıf Mücadeleleri Т. 1: 1908-1980. İstanbul: Yordam Kitap. 270 с.
41. Şirin F.S. (2017) Bir Gazeteci ve Aydın Olarak Falih Rıfki Atay (1893-1971) // Vakanüvis. Т. 2. № 2. С. 248–274.
42. Sozen Y. (2013) Politics of the People: Hegemonic Ideology and Regime Oscillation in Turkey and Argentina.
43. Yaşlı F. (2014) AKP, Cemaat, Sünni-Ulus. Yeni Türkiye Üzerine Tezler. İstanbul: Yordam Kitap. 256 с.
44. Yaşlı F. (2016) Türkçü Faşizmden «Türk-İslam Ülküsü»ne. İstanbul: Yordam Kitap. 176 с.